

Русская мысль - Париж -
1996. - 5 сент. - с 10.

Первая встреча

Глава из неопубликованной книги

А весной 1910 года в Париж приехала Анна. Точнее, приехали молодые, муж и жена Гумилевы...

Итак, парижской весной в самом начале июня супругов Гумилевых можно увидеть на парижской улице. Вот они выходят из отеля после завтрака, замерли на мгновение на тротуаре, и мы с вами тоже — давайте остановимся на мгновение и попробуем остановить время, приглядимся к ним обоим на этой идиллически беспечной и праздничной улице довоенного Парижа (до страшной европейской катастрофы, увлекшей за собой в бездну миллионы жизней и целую Россию, до выстрела сербского террориста в злосчастном Сараево — оставалось еще целых четыре года). Начнем, конечно, с нее...

Она очень высокая, с царственной походкой и неповторимым, нисколько не русским профилем — этот точно срезанный, отнюдь не маленький, но безусловно царственный нос (профиль ее ни с чьим не спутаешь, и на этом отчасти основаны нынешние сенсационные открытия). Так как повесть наша документальная, предоставлю слово тем, кто ее видел в те годы. Н.Г.Чулкова встречала ее на парижской улице, где и мы с вами сегодня стоим, невидимые и никем не узнаваемые, так что свидетельство Чулковой для нас очень существенно.

“Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмывали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая... На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером — это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж — поэт Н.С.Гумилев”.

Здесь беглый портрет — Анна словно отражена в глазах прохожего-парижанина, и напрасно требовать от мимолетного этого наброска словесной точности. Ибо что значит “очень красива”? Даже влюбленные в нее мужчины говорили (чуть позднее, впрочем, еще через пять и через десять лет) не о красоте ее, а о чем-то ином, “даже большем, чем красота”.

Вот как влюбленный в нее эстет, литературовед и писатель Николай Недоброво писал о ней (27 апреля 1914 года) своему другу-художнику (мозаичисту) Борису Анрепу: “Простому красивой ее назвать нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок, и гейнсборова портрет маслом, и икону темперой, а ну-

Анна Ахматова. 1910 г.

чем-то сразу приковывавшим внимание...”

Добавим к этому, что она была ясновидящая, русалка, ворожея, ведунья, колдунья (или считала себя таковой, что почти то же самое), что она была “настоящий поэт” (или уже считала себя таковой), что она была загадочная “русская аристократка” из загадочной страны Россия. Загадками этими заинтриговали Францию Тургенев, Толстой и Достоевский, над Монпарнасом уже витал тогда романтический образ “монпарнасской мадонны” Марии Башкирцевой, и, может, поэтому новые русские этеры одерживали почти без труда свои блистательные победы на Монпарнасе (Гала, Эльза, Майя, Лидия, Дина). О них нынче много написано — о них, но не об Анне, ибо Анна вообще — совсем иное.

Ну, а спутник ее, что стоит в этот весенний день 1910 года на тротуаре рядом с растерянной женой, оглядывая хорошо знакомую, даже можно сказать, привычную для него парижскую улицу, — Николай Степанович, Николай Гумилев, что он, каков на вид?

Так мало говорят нам все эти его бледные фотографии и дагерротипы начала века, что предпочтем снова предоставить слово его современникам, мужчинам и женщинам. Вот, скажем, как описывает тогдашнего Гумилева Сергей Маковский.

“Юноша был тонок, строен, в элегантном университетском сюртуке, с очень высоким, темно-синим воротником (тогдашняя мода) и причесан на пробор тщательно. Но лицо его благообразием не отличалось: бесформенно мягкий нос, толстоватые бледные губы и немного косящий взгляд (белые точечные руки я заметил не сразу). Портит его и недостаток речи. Николай Степанович плохо произносил некоторые буквы, как-то особенно заметно шепелявил...”

Со всем юному царскоселу Николаю Оцупу тоже запомнилась “сильно

ще всего поместить в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии”.

Забегая далеко вперед, напомним, что портретов ее писали уже в те годы множество, а мозаику Борис Анреп сделал для лондонской Национальной галереи сорок лет спустя...

Объективности ради приведем свидетельство и другого литератора, поэта и критика Г.Адамовича, чье мнение трудно счесть пристрастным:

“Нет, красавицей она не была. Но она была больше, чем красавица, лучше, чем красавица. Никогда не приходилось видеть мне женщину, лицо и облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, неподдельной одухотворенностью,

удлиненная, как будто вытянутая вверх голова, косые глаза, тяжелые медленные движения, и ко всему очень трудный выговор...”

Женщины, впрочем, к внешности Гумилева куда более снисходительны, женщинам он умел внушать симпатию и даже любовь. По описанию жены его брата, он был “высокий, худощавый, очень приветливый, с крупными чертами лица, с большими светло-синими, немного косившими глазами, с продолговатым овалом лица, с красивыми шатеновыми, гладко причесанными волосами, с чуть-чуть иронической улыбкой, с необыкновенно тонкими, красивыми белыми руками. Походка у него была мягкая, и корпус он держал чуть согнувши вперед. Одет он был элегантно”.

Оригинальность и подчеркнутую элегантность его костюма подчеркивали, впрочем, все — и лимонные носки при лимонной же феске, и русскую рубаху на даче (по описанию дачной соседки госпожи Неведомской), и оленью доху с белым рисунком по подолу, ушастью оленью шапку и пестрый африканский портфель зимой в Петербурге, по описанию ученицы его на ниве поэзии Ирины Одоевцевой. Если Одоевцева, описывая полвека спустя его внешность, подчеркивает как главные ее черты “особенность” и “некрасивость” (“Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека. Все в нем было особенное и особенно некрасивое...”), то госпожа Неведомская, не уступая знаменитой поэтессе в изяществе слога, судит о былом возлюбленном помятче, вспоминая, что у него было “очень необычное лицо, не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнута церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмеваются...”.

Таков портрет молодого супруга Анны. В нем уже угадывается подчеркнутая манерность, непрестанная игра, “игра в роли”, ставшая второй натурой.

Роли, маски, литературные его герои срастались с этим странным юношей, и в упорстве своем он переделывал самую свою природу. Он был хилым и не слишком героическим персонажем от рождения, но он стал маломаленько с персонажами своей “конквистадорской” поэзии и становился бесстрашным, рвался в бой, проявлял героизм на войне и обрел (среди многих прочих, впрочем, таких же, как он, ни в чем не повинных) славную, мученическую смерть по пулям большевистских убийц.

Тут бы нам с вами впору отправиться вослед молодоженам на прогулку по улицам, площадям и скверам несравненного Парижа — Латинский квартал, Большие Бульвары, Опера, Марсе, остров Сите, Пасси, Шанз-лизе, Монпарнас, Трокадеро — но боюсь, прогулка эта затянется, так что отложим ее, а пока упомяну только, что, показав молодой супруге упомянутые выше красоты прославленного города, конечно уж, привел ее Гумилев на Монпарнас — в знаменитую “Ротонду”, что и ныне красуется вывеской, былой славой и новой дороговизной на углу бульвара Распай, улицы Вавен и бульвара Монпарнас (памятный для русских на протяжении чуть не трех десятилетий угол).

Думаю, что именно тут, в “Ротонде”, и увидели впервые друг друга Анна и Амедео. Это, как выражаются люди с высоким образованием, гипотеза, потому что должного отражения в “источниках” этот момент не получил. Итак, “Ротонда”.

Париж

Продолжение следует.